

Амина Волкова • Ада Огнева

Измена мужа.
Три кольца
для трёх жён!

Ада Огнева

**Измена мужа. Три
кольца для трёх жён!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Три кольца для трёх жён! / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Полгода я ждала мужа из рейса. Готовила любимый борщ, считала дни, успокаивала дочь. А Святослав вернулся с пятилетним «племянником» и тремя обручальными кольцами в чемодане.— Ты просто домашняя прислуга, Кира. Не устраивай истерик! Оказалось, у моего капитана женщины в разных портах, а мальчик — его родной сын. Вскоре муж выгнал меня из яхт-клуба, который я поднимала десять лет, и пригрозил отобрать дочь. Но море помнит, кто действительно умеет держать штурвал. Капитан береговой охраны Леонтий Морозов предлагает мне работу и помощь. Только я больше не хочу зависеть от мужчины. Смогу ли я вернуть свой клуб, защитить дочь и снова полюбить?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Амина Волкова

Измена мужа. Три кольца для трёх жён!

Глава 1

Полгода без Святослава. К его возвращению я даже борщ сварила заново: вчерашний он есть не любил, хотя мы с Юной доедали одну кастрюлю третий день. Теперь на кухне стояли обе. Хорошая жена, хозяйственная. Только бы он заметил. В спальне сохли простыни, и я каждые полчаса проверяла, не остался ли на них запах порошка. Славе нравилось ложиться на совсем сухие, хрустящие. Мне — лечь рядом с ним. Я уже и забыла, как это бывает.

На щелчок замка я выскочила из гостиной, ещё на ходу одёргивая юбку. Нарядилась, как на свидание, — взрослая женщина, а всё туда же. Сейчас обнимет, поднимет, скажет, что соскучился. Я уже заготовила ответ: тоже, дурак ты мой, тоже.

— Слава! — выдохнула я, бросаясь к двери.

Он прошёл мимо, и я успела обнять только воздух. Пришлось опустить руки, пока он не заметил. Из-за него вышел мальчик лет пяти, кудрявый, с розовыми щеками. Держался за Славу крепко и даже не собирался отпускать. На мальчишке была куртка лучше Юниной. Я это увидела сразу, хотя сравнивать детей совсем не хотелось.

— Познакомься, Кира, — голос Святослава был ровным, скучным. — Это Гоша. Мой племянник. Его мать... пропала. Воспитаем как родного. Море научило нас быть семьей везде, где есть причал.

Юна выглянула из-за моей спины. В девять лет ей уже хватало сообразительности не лезть с вопросами, когда отец такой. А мальчишка отпустил его руку, ткнул дочь плечом и устроился на её табуретке. Юна всегда делала там уроки, поближе ко мне, пока я варила ужин. Сейчас она только посмотрела на меня: мама, ты видела?

— Папа, почему он сидит тут? — спросила Юна тихо, но в тишине квартиры это прозвучало как выстрел.

Святослав швырнул сумку на ковёр. Я вчера вычистила его, вытащила из ворса все Юнины нитки и крошки, а под кожаным боком тут же проступило мокрое пятно. Из сумки тянуло сладкими духами. Хотелось спросить, откуда они. Вместо этого я смотрела на след и зачем-то думала, чем его оттирать.

— Потому что ему нужно место, Юна. А тебе хватит и подоконника. Кира, сделай ужин. Гость голодный.

Гость голодный. А Юна? Она ведь специально не стала есть у бабушки: хотела поужинать с папой. Я посмотрела на дочь, потом на кастрюлю. Полгода писала ему, как она кашляет, как плачет, как спрашивает, сколько ещё дней. Он и сейчас не поинтересовался, здорова ли она. Хлеб я достала уже машинально. Мне велели приготовить — я готовила.

Руки дрожали, но я взяла нож и придвинула хлеб. Первый ломоть вышел толстым и кривым. Второй я отрезала аккуратнее, сжав рукоять до боли. Даже сейчас старалась сделать ему красиво. От этой мысли стало стыдно; нож хотелось положить, а я всё резала и ждала, когда он наконец посмотрит на меня.

Из ванной полилась вода. Я осталась у стола; Юна вытирала щёки кулаками, стараясь, чтобы я не видела. Сказать ей «не плачь» не получалось, потому что сама бы охотно села рядом и заревела. Мальчик тем временем нашёл машинку в куртке Святослава на спинке стула. Знал, в каком кармане искать. Я это отметила. И больше пока ничего.

Я положила хлеб на тарелку. Из ванной вышел Святослав.

На нём был халат, волосы ещё мокрые. Он потянулся к куртке на спинке стула и зацепил ногой открытую сумку. Она перевернулась. Бумаги, блокноты, пара носков. И три бархатные коробочки. Они покатались по полу, останавливаясь у моих ног.

Слава ещё поднимал сумку, когда я опустила на колени и подобрала первую. Бархат на крышке затёрся у края. Открыть? Я услышала его шаги, но всё равно надела большим пальцем на замочек. Потом открыла вторую и третью. Колени мёрзли на паркете; я даже не попыталась пересесть.

Три обручальных кольца. На одно пришлось смотреть дольше: белое золото, камни по ободку, дорогое. Другие проще — золотое и серебряное. Моего размера среди них не было. Я примерила первое и сразу сняла: маленькое. Второе дошло только до середины мизинца. На третьем внутри белела бирка, совсем крошечная. Он покупал их кому-то. Выбирал, узнавал размеры. А мне на годовщину прислал сердечко в сообщении.

«Его мать пропала», — сказал он.

И эту историю про исчезнувшую мать я тоже должна принять? Я переводила взгляд с колец на Гошу. Потом обратно. За полгода я столько раз набирала Славу и слышала: рейс тяжёлый, устал, поговорим завтра. Вот чем он был занят. Думал, кому что привезти. С кольцами пока можно было придумать объяснение. С ребёнком, который знает карманы его куртки, — уже труднее.

Я сидела с открытыми коробочками и никак не могла решить, куда их положить. Как будто это было сейчас важно. Святослав должен был сказать хоть что-нибудь. Одна нелепая надежда ещё оставалась: назовёт имена, объяснит, засмеётся. Только смеяться мне самой уже не хотелось.

— Что ты там нашла? — голос Святослава был раздраженным. Он подошёл ближе. Я всё ещё сидела на полу, и мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он выхватил коробочки из моих рук так резко, будто я трогала грязное белье.

— Это рабочие сувениры, Кира. От знакомых капитанов. Обмен опытом. Не драматизируй. У тебя истерика? Ты всегда преувеличиваешь.

Он держал коробочки и обвинял меня в истерике. Получается, даже спросить о кольцах нельзя: сначала надо доказать, что я не преувеличиваю. Юна стояла рядом, слышала каждое слово. Коробочки уже были у него; я смотрела на них и никак не могла заставить себя встать.

— Племянник сломал раковину, — вдруг сказала Юна. Ее голос дрожал, но в нем была сталь, которую я слышала редко.

Большую перламутровую раковину я поставила на низкую полку — Юна любила проводить пальцем по виткам. Два года назад Слава привёз её из Нормандии и велел беречь: для дочери, особенная. Теперь куски лежали возле табуретки. Гоша задел раковину ногой и ещё раз пнул, прежде чем она треснула. Я не успела остановить его: смотрела на кольца.

Святослав посмотрел на осколки. Потом на Гошу, который продолжал крутить машинку, не обращая внимания на разрушения. И потом на меня.

— Кира, ты не уследила за детьми? — спросил он холодно. — Научи своего ребенка порядку, раз уж ты не можешь контролировать чужого гостя.

Он сказал «своего ребёнка» про собственную дочь. Я подняла голову. Ещё утром мне хотелось прижаться к нему, понюхать воротник, узнать, похудел ли за рейс. Сейчас я смотрела на его халат, на ноги возле осколков и ждала, когда он отойдёт от Юны. Ни её, ни меня за весь вечер он так и не коснулся.

Юна всхлинула, и я поднялась с пола. Мне самой было легче встать, чем слушать его снизу. Взяла дочь на руки, хотя она уже редко это позволяла: большая. Сейчас обняла за шею сразу. Я отнесу её в спальню. На ужин он способен налить себе сам.

— Мы идем спать, — сказала я. Голос был спокойным. Пугающе спокойным.

— Куда?! — окликнул Святослав. — Мы еще не ужинали!

— Тогда ужинай сам. Со своим племянником.

Дверь спальни закрылась, я повернула замок и только тогда отпустила дыхание. Юна ещё висела у меня на шее, прятала лицо в волосах. Я села с ней на кровать. Можно было немного помолчать. В этой комнате он пока не распоряжался, куда моей дочери садиться.

Юна уснула у меня под боком. Святослав храпел за стеной — должно быть, на диване. Я не пошла проверять. Лежала, положив ладонь дочери на спину, и боялась пошевелиться: проснётся, снова спросит про Гошу. Что я ей отвечу? В потолке над кроватью была трещинка, которую Слава обещал заделать ещё до рейса. Я смотрела на неё до рези в глазах.

Около трёх храп прекратился. Сначала я подумала, что он проснулся и сейчас придёт к нам. Скрипнула половица, однако шаги ушли на кухню. По пути он дверь спальни даже не тронул.

Я замерла, боясь дышать. Шаги удалились на кухню. Через минуту до меня донесся тихий разговор. Он понизил голос, думая, что мы спим. Но из кухни каждое слово было слышно до спальни.

— Да, я уже здесь, — его голос был мягким, интимным. Тем самым голосом, который я помнила только по первым месяцам нашего романа. — Как там моя малышка? Нет, не та, что в школе. Та, настоящая.

Пауза. Смех. Озорной, молодой смех женщины.

— Кира? — переспросил он. — Да бог с ней, с Кирой. Она зануда. Скучная, домашняя клуша. Ей главное, чтобы суп был горячий и дети молчали. А ты... ты другая. Ты живая.

Её смех я слышала до коридора. Значит, он включил громкую связь или поставил звук на полную. Она знала и про суп, и про детей — не переспрашивала. Я вспоминала наши короткие звонки из рейса. Он находил время рассказывать ей обо мне. Ей, а не мне. Я приподнялась в постели, чтобы разобрать следующее слово, хотя уже можно было перестать слушать.

Я выбралась в коридор босиком. Плитка была холодная, и через несколько минут ступни начали болеть. Возвращаться всё равно не стала. Теперь я знала, как он говорит со мной и как — с ней. Разница была слишком хорошо слышна, чтобы завтра принять объяснение про усталость.

Он умел разговаривать так, чтобы каждая считала себя особенной. Я тоже считала.

Три кольца. Ложь про мать Гоши. Этот ночной звонок. Я пыталась сосчитать, сколько раз он говорил мне из рейса, что устал и хочет спать. Кому он звонил после меня?

Я вытерла щёки рукавом, но они опять стали мокрыми. Из кухни всё ещё доносился его голос. Не услышал. Я посмотрела на спальню: Юна тоже не проснулась. Утром она увидит меня заплаканной, а сейчас хоть немного поспит.

Свет из кухни лежал на полу. Слава даже дверь не прикрыл. Дом, жена, дочь — всё мешало ему ровно до тех пор, пока не потребовалось прислать суп и чистую постель. Я отступила от света, чтобы он меня не увидел, если выйдет.

Я вдавила ногти в ладони и наконец почувствовала руки. Хорошо. Значит, смогу утром одеться, собрать Юну и дойти до клуба. Только не сейчас. Если зайду к нему сейчас, начну кричать, а он разбудит дочь и скажет: вот видишь, мама опять.

«Он думает, что я клуша», — пронеслась мысль. — «Он думает, что я забуду. Что проглочу. Что буду варить ему борщ и ждать следующего рейса».

Я вспоминала кольца уже без коробочек. На белом золоте камни шли по краю, на серебре — простой ободок. Размеры я тоже запомнила. Если завтра он скажет, что мне померещилось, смогу описать каждое. Пусть попробует объяснить, кому выбирал.

Я вернулась к дочери. Пока снимала с кровати покрывало, придумала первое дело на утро: документы клуба. Он уже принёс сюда чужого ребёнка и три кольца. Бумаги оставлять в его руках нельзя.

— Я запомню размер каждого пальца, — прошептала я в темноту.

Завтра будет война. А сегодня я просто выживу.

Глава 2

Утром Святослав сказал, что в клуб мне ходить незачем. Я всё равно оделась, собрала Юну и пошла к «Горизонту». По мокрым плитам причала приходилось идти осторожно: дочь всё время отставала. Он ведь и раньше пугал разводом — стоял в дверях кухни с ключами, обещал выставить меня, потом успокаивался. Я вспоминала те разговоры и надеялась, что этот кончится так же. Самое противное было именно это: ещё надеялась.

И вот теперь я толкаю стеклянную дверь клуба. Внутри пахнет свежей краской и кофе. На стойке уже лежит расписание на неделю — моё, составленное вчера.

Лена за стойкой. Три года назад мы с ней под дождём меняли колесо на служебной машине: её муж сидел в кабине, потому что боялся домкрата. Обе потом хохотали, оттирая руки салфетками. Сейчас я улыбаюсь ей, как обычно, и подхожу к стойке. Пусть хотя бы это останется обычным.

— Доброе утро, Леночка. Мне нужны документы по контрактам на эту неделю, — говорю я мягко, кладя сумку на стойку.

Лена поднимает руки к клавиатуре и не печатает. На мониторе открыт наш календарь. Она могла бы повернуть его ко мне, показать расписание, сказать «сейчас». Вместо этого закрывает окно. Мне уже не нравится, как она прячет глаза.

— Кира... — выдыхает она одними губами. Голос дрожит. — Ты не можешь сюда заходить.

— Что значит «не могу»? — Я смеюсь, коротко и нервно. — У меня есть ключи. Есть доступ в кабинет директора. Есть жизнь, которую я строила здесь десять лет.

Она наконец смотрит на меня. И я сразу понимаю, что спорить придётся не с ней: решение ей уже сообщили. Всё равно жду — вдруг сейчас добавит, что не согласна? Лена опять опускает глаза.

— Он сказал, ты больше не имеешь права входить, — шепчет она, словно передавая приговор. — Прости, Кир. Пожалуйста, уходи. Пока никто не видит.

Вчера Лена спрашивала, какое печенье купить детям на занятие. Теперь просит меня уйти тайком. Я поднимаю сумку со стойки. Внутри лежит расписание, которое сама составляла, а мне уже даже не предлагают сверить время.

В этот момент двери распахиваются.

Святослав входит так, что все успевают на него посмотреть. Костюм индиго я узнаю: сама подбирала к нему рубашку. На локте у него повисла блондинка, высокая, молодая. Каблуки стучат по плитке, и сотрудники выглядывают из кабинетов. Она крепче цепляется за него, когда замечает меня. Я бы сейчас охотно заставила всех вернуться к работе. Но распоряжаться здесь мне уже не дают.

Я называю её про себя второй женой. Так проще, чем пытаться понять, кем именно она приходится Гоше. От неё пахнет теми же сладкими духами, что от сумки вчера. Хочется отойти на шаг, а за спиной стоит дочь.

— О-о-о, наша бывшая хозяйка, — тянет Святослав, и в его голосе слышен тот самый бархатный баритон, который когда-то сводил меня с ума. Теперь он звучит как скрежет ржавого железа. — Решила заглянуть посмотреть на свои игрушки?

Она поправляет волосы и смеётся, хотя смешного Святослав ничего не сказал. Я смотрю на её руку у его локтя. Зажала так крепко, словно я сейчас попытаюсь отнять его. Очень хотелось сообщить, что руки можно уже разжать.

— Клуб перешёл ко мне по наследству отца, Кира, — продолжает он, обходя меня по дуге, как хищник вокруг раненого зверя. — Ты же знаешь юридические тонкости. Твоё имя

там фигурирует только как «супруга владельца». Отец распорядился клубом при жизни. Я тебе договор не раз показывал.

— Ты лжёшь, — мой голос срывается на визг. Я делаю шаг вперед, сжимая кулаки. — Я управляла процессами! Я заключала контракты! Я учила этих детей держать курс! Без меня твой клуб бы захлебнулся в долгах пять лет назад!

Юна, идущая следом за мной, прячется за мою ногу. Дочь смотрит на чужую тётю огромными, испуганными глазами. Я кладу ладонь ей на затылок; дочь прижимается теснее.

— Домашняя прислуга не имеет отношения к бизнесу, детка, — улыбается Святослав, и эта улыбка обнажает клыки. — Ты просто готовила обед и стирала носки. А теперь иди домой. Там тебя ждёт пустота.

Сергей, с которым мы не раз пили чай на дежурстве, подходит и берёт меня за плечи. Когда его дочь провалила экзамен, он полвечера спрашивал у меня, что ей сказать. Сейчас говорит только, что я должна выйти. Я пытаюсь поймать его взгляд, а он смотрит куда-то поверх моей головы. Юна хватается край куртки, чтобы нас не разлучили.

— Прошу покинуть территорию, — говорит Сергей, всё ещё держа мои плечи. Я напоминаю ему, что здесь вещи Юны. Он повторяет про территорию. Одну и ту же фразу, не отвечая мне. Я поворачиваюсь, чтобы дочь успела выйти рядом, а не осталась между взрослыми, которые решили меня выставить.

Сергей выталкивает меня за стеклянную дверь. Юна успевает проскочить следом. Мы стоим на мокром бетоне; внутри уже опять разговаривают и смеются. Моя сумка прижата к животу, дочь вцепилась в рукав. Ещё минуту назад я собиралась обсуждать контракты на неделю. Теперь даже зайти за ними не могу.

Телефон выскальзывает, приходится перехватить его второй рукой. Нахожу Марка Львовича, юриста, который годами вёл сделки отца. Он хотя бы должен показать договор. Не помочь, не утешить — показать. Сейчас я согласна и на это.

— Алло, Марк Львович, это Кира. Мне нужно увидеть оригиналы договора дарения. Прямо сейчас.

Пауза длится вечность.

— Кира Аркадьевна, — голос сух, как песок в пустыне. — Договор оформлен идеально. Подпись есть. Всё легально. Советую вам не создавать шума. Репутация шкипера в порту стоит дорого. Если вы начнете качать права, вас занесут в черный список. Никто не даст вам работу. Никто.

Отбой.

Я слушаю гудки дольше, чем нужно, — Марк Львович уже отключился. Звонить ещё раз? Он ведь мог просто назвать номер папки, попросить приехать. Вместо этого пригрозил чёрным списком. Я убираю телефон, но большой палец всё ещё лежит на кнопке повтора.

Игорь швартует моторку у соседнего понтона. Когда-то он приходил ко мне на занятия с чужим спасжилетом; теперь у него своя фирма. Я вытираю щёку, пока он не поднял голову. Не успеваю. Он уже смотрит, и я надеюсь хотя бы услышать вопрос: Кира, тебе чем-нибудь помочь?

Я надеюсь. Хотя бы на человеческое слово.

Игорь подходит ближе. Его лицо каменное.

— Слышал новость, Кира. Развод? Жаль. Очень жаль.

Он оглядывает мои вещи, мою осанку, мой вид.

— Но знаешь... с тобой никто не захочет иметь дел. Если женщина не может контролировать свой собственный дом, как она будет контролировать судно? Это вопрос профессиональной этики.

Он садится обратно в лодку. Двигатель рычит, разбивая тишину. Он даже не спросил про занятия. Я смотрю ему вслед, вспоминая, как держала его за пояс на первом выходе: боялся отойти от борта. Теперь ему неудобно поговорить со мной на причале.

Глава 3

Юну я отвожу к бабушке, а к вечеру возвращаюсь в порт. Солнце уже садится за мол. Я иду к своему шкафчику на дальнем пирсе. Там остались мои личные вещи: запасная форма, блокноты с расчетами, фотография Юны на первом курсе яхтенной школы. Может быть, они еще не опечатали его.

У шкафчиков уже накрыты столы. Святослав собрал гостей прямо там, где утром были занятия, и они пьют шампанское. Блондинка крошит хлеб в воду. Я иду между столами к своему шкафчику, не здороваясь. Пусть считают невежливой, мне здесь надо взять только свои вещи.

Я молча подхожу к своему шкафчику. Рука тянется к замку.

— Осторожно, не разбуди зверя, — голос Святослава разносится над водой. Он стоит у края пирса, держа в руках бутылку шампанского. — Она кусается. Когда загнана в угол.

Кто-то бросает оливковую косточку; она задевает куртку и падает на доски. Я вижу, откуда бросили, но лица не запоминаю. Очень хочется оглянуться и вернуть её хозяину. Вместо этого вставляю ключ в шкафчик. Если уйду без вещей, второй раз сюда уже не заставлю себя прийти.

В шкафчике пусто. Ни блокнотов, ни формы. На нижней полке остался компас отца, и я сначала рада даже ему. Потом замечаю разбитое стекло. Стрелка упёрлась в скол, больше не шевелится. Я поднимаю компас осторожно, двумя пальцами, будто это поможет его сохранить.

Я засовываю компас в ладонь, закрывая стекло от посторонних глаз. Верхняя губа болит: прикусила, пока открывала дверцу. Если сейчас заплачу, они будут обсуждать это до завтра. Больше ничего здесь не осталось. Можно уходить.

Я разворачиваюсь и ухожу. Позади остается смех, запах еды и ощущение полной безнадежности. В ладони впиваются края разбитого стекла. Я прячу компас в карман и прибавляю шаг: Юна ждёт у бабушки.

За дочерью я должна зайти позже; сначала иду домой забрать наши вещи. Дождь начинается внезапно, хлесткий, осенний. Вода стекает за воротник, холодит кожу. Я поднимаюсь по лестнице своего подъезда. Дверь закрыта.

Поднимаюсь к квартире и звоню в дверь. Никто не отвечает. Пробую ключ. Не проходит. Замок заменен. Новый, хромированный, блестящий во мраке подъезда.

Святослав сменил замки.

Я сижу на холодном кафеле коридора, промокая насквозь. Телефон в руке мертвый экран. Я пытаюсь дозвониться ему. Абонент недоступен. Вместо ответа приходит сообщение с неизвестного номера. Фотография. Проект заявления о лишении меня родительских прав. Сверху приписка: «Подать завтра». Даже шапку суда он вставил — чтобы я испугалась.

Я смотрю на фотографию заявления и никак не могу выключить экран. Он ещё и дочь решил у меня отнять. Сначала обещал всем чужих детей, теперь пишет, что я недостойная мать. Телефон летит в стену раньше, чем я успеваю остановиться. Пластик треснул, по стеклу пошла паутина. Хорошо хоть Юна сейчас у бабушки.

— Сука, — шепчу я. — Ты думаешь, это конец?

В этот момент дверь подъезда открывается.

Я скидываю голову, ожидая увидеть усмешку Святослава или лицо соседа, вызвавшего полицию.

На площадку поднимается мужчина в форме. Под мокрым плащом виден воротник, лицо пока в тени капюшона. Я пытаюсь подняться, но колени затекли, и он останавливается чуть поодаль, чтобы я не торопилась. Голоса Святослава за ним нет. Уже за это я благодарна.

Я узнаю Морозова не сразу. До этого видела его только на портовых совещаниях, в сухой форме и с папкой. Сейчас плащ промок на плечах. Он смотрит на меня, сидящую возле собственного порога, и я невольно пытаюсь поправить юбку. Вот же глупость — кого я здесь изображаю?

Он замечает разбитый телефон, потом замок. Я жду вопроса про Святослава, уже готовлю объяснение, почему сижу на полу. Морозов не спрашивает. Только отступает на полшага, освобождая мне место, если захочу встать.

Я никак не могла решить, надо ли здороваться. С портовых совещаний он вряд ли запомнил меня так хорошо, как я его.

Я слышу, как внизу хлопнула дверь подъезда. Надо идти за Юной, у бабушки она наверняка уже спрашивает про меня. Только ноги затекли, и вставать перед этим чужим мужчиной совсем не хочется. Он ждёт. От его мокрого плаща тянет улицей.

— У вас хороший курс, Ланская, — наконец произносит он. Голос низкий, вибрирующий где-то в груди. — Вы держите направление, даже когда мачты сломаны.

Я молчу, не решаясь дышать.

— Но вы плывете против течения в одиночку, — он делает шаг ближе. Его тень накрывает меня целиком. — Береговая охрана набирает инструкторов для учебной флотилии. Нам нужны те, кто выживает в шторм. Семейные штормы тоже считаются.

Он раскрывает сложенный лист и держит так, чтобы я могла прочитать. Набор инструкторов, учебная флотилия. Адрес внизу. Я смотрю на него, снова на адрес: мне сейчас не просто разрешают прийти, меня там ждут.

— Вам нужны бумаги? — спрашивает он. В его вопросе нет предложения милостыни. Это предложение оружия.

Я перечитываю список. Диплом, опыт, документы. Это у меня есть, не всё под рукой, но найти можно. Морозов не спрашивает, отчего муж меня бросил. Речь о том, что я умею. Я даже выпрямляюсь раньше, чем решаю встать.

Встать всё-таки приходится. Колени затекли; я опираюсь на стену, пока он держит листок раскрытым. Адрес, время, список документов. Провожу пальцем по первой строке, чтобы прочитать без ошибки. Его пальцы на мгновение касаются моих, и я убираю руку слишком быстро. Он делает вид, что не заметил.

— Да, — говорю я. Голос дрожит, но слова четкие. — Мне нужны бумаги.

Морозов кивает. Один раз. Резко, как рубильник.

— Тогда завтра в восемь. Причал номер три. Не опаздывайте, Ланская. Море не ждет.

Он разворачивается и уходит во тьму. Шаги гулко отдаются в подъезде.

После его ухода я расправляю смятый угол листка. Прижала слишком крепко, часть адреса скрылась в сгибе. Завтра нужно забрать трудовую книжку, а сейчас зайти за Юной. Я запоминаю время — восемь — и прячу бумагу внутрь сумки, чтобы не намокла.

Я прижимаю сумку к боку, чтобы бумага не выпала по дороге.

— Причаливай, Кира, — шепчу я себе. — Но только туда, где тебя ждут.

Глава 4

Запасной телефон я нашла в ящике с зарядками. Вызвала мастера, вернула доступ в квартиру; Святослав сколько угодно мог менять замки, но жить здесь нам не запретит. Юна, правда, всё равно не выходила из комнаты вторые сутки. Я сортировала носки за её дверью: маленькие, с единорогами, и Славины, с якорями. Большие следовало выбросить. Я уже трижды убирала их в корзину и опять доставала, будто сначала обязана найти пару.

— Юн, выйдем к воде? — позвала я через дверь. — Совсем ненадолго. До причала и обратно. Дочь молчала. Я присела, чтобы оказаться напротив неё, если откроет. Она ведь любит смотреть на лодки. Может, сейчас хотя бы ради них согласится.

Дверь приоткрылась. Юна стояла за ней, придерживая ручку, словно собиралась опять закрыть. Глаза опухли; смотреть на меня она не хотела. Я не потянула дверь шире. Хорошо уже, что вышла сказать хоть что-нибудь.

— Папа сказал, ты плохая мать, раз не удержала его, — прошептала она. Голос был тонким, как струна на лопнувшей гитаре.

Он успел сказать ей это, пока я собирала вещи. От него дочь ждала подарков и рассказов про море, а получила объяснение, кто у нас виноват. Мне очень хотелось сказать: это папа плохой. Только Юне от такого ответа легче не станет. Я прижала ладонь к дверному косяку и попросила её посмотреть на меня. Ответить сразу не смогла.

Телефон на столике зазвонил. «Марина». Я посмотрела на Юну — ждёт моего ответа, а эта сейчас опять начнёт про мужа и гараж. Можно не брать. Но я всё ещё надеялась, что узнаю, куда он спрятал бумаги.

Я взяла трубку. Палец дрогнул, едва не соскользнув с кнопки ответа.

— Алло?

Марина говорила почти ласково. Я представляла, как она спокойно держит телефон, пока я ишу, куда его пристроить, чтобы не уронить. От её «дорогая» хотелось немедленно оборвать разговор.

— Кира, дорогая. Слушай, Свято очень расстроен. Он тебя любит, правда. Но он мужчина. Ты должна была понять, что яхты и дети — это разные весовые категории. Не позорься, верни ключи от гаража. Там мои вещи. И не надо устраивать сцену в порту, это уже некрасиво даже для тебя.

Марина успевала и обругать меня, и пожалеть. У неё всё выходило складно: я позорюсь, Святослав расстроен, а ключи от гаража лучше немедленно вернуть. Я хотела спросить, откуда там её вещи. Получилось только: «Он мне ничего не оставил». Марина замолчала, ожидая продолжения. Давать ей ещё одну жалобу я не стала, отключилась. Телефон держала обеими руками — этот тоже разбить мы не могли себе позволить.

После звонка Марины в дверь постучали. Я замерла: может, это она и пришла. Посмотрела на Юну, показала, чтобы осталась в комнате, и подошла к глазку. Звонок повторился прежде, чем я успела заглянуть.

На пороге стояла баба Зина из тридцать второй квартиры. Она не улыбнулась. Обычно она приносила варенье или спрашивала дорогу до почты. Сегодня она стояла, поджав губы, и смотрела мне за плечо.

— У вас тут шум? Или опять эти ваши... разборки? — спросила она, глядя поверх моего плеча в квартиру, где, вероятно, ей мерещились следы преступления. — Весь дом знает про твоего «племянника», Кира. Легкое поведение, знаешь ли, заразно.

Даже баба Зина, которой я таскала сумки с рынка, пришла читать мне мораль. Юна слышала её из комнаты. Я захлопнула дверь перед её носом. Замок щелкнул, как выстрел. Внутри стало душно. Запах пыли и старой бумаги ударил в ноздри.

Листок Морозова лежал под коробкой с носками. Документы, да. С этого можно начать. Я пошла к шкафу, где хранились наши папки, и одну за другой вынесла на кровать. От Юниных справок до договоров клуба. Разобраться надо было сейчас, пока Святослав снова не пришёл. В картонной коробке под журналами попалась фотография.

На фотографии Юне четыре. Она сидит между нами на яхте и смеётся, Святослав держит её за голову одной ладонью, другой обнимает меня. Я помню, как мы попросили снять ещё раз, потому что дочь вертелась. Переворачиваю карточку: на обороте его «Моя жизнь». Он написал, уперев снимок мне в спину. Тогда мне было щекотно, я просила не давить. Сейчас эта надпись злила сильнее самого снимка: жизнь-то наша, а распорядился ею как своей вещью. Положила фото на кровать лицом вниз.

Телефон зазвонил снова. Другой номер. Ольга. Третья «жена». На этот раз никаких бархатных ноток. Только визг.

— Он мой! Ты ничего не знаешь про наши ночи! Верни ему кольцо, которое он мне подарил на годовщину, или я приеду и порежу тебе лицо!

Ольга не давала вставить слова. Я держала трубку у уха и слушала, сколько раз она ещё скажет, что приедет. На третьем таком обещании из дверного проёма донёсся всхлип. Юна зажимала уши ладонями. Я убавила звук, но дочь уже всё слышала. Не помогло ни то, что я не спорила, ни то, что старалась вести себя спокойно. Ребёнку обещали порезать лицо её матери. Я отключила вызов и бросила телефон на кровать. Нужно было подойти к Юне; утешительные слова всё не находились.

— Мама? — всхлипнула дочь.

— Всё, солнышко. Всё закончилось, — пролепетала я, подходя к ней. Но голос звучал жалко, фальшиво. Закончилось? Нет. Только началось.

Мне нужно было выйти. Душно. Нужны были воздух, люди, хоть кто-то, с кем можно спокойно поговорить. Я схватила куртку и потянула Юну за собой.

— Мы выйдем ненадолго. Подышим. Мы спустились в подъезд. Лифт работал плохо, поэтому шли пешком. На первом этаже нас встречал дворник Петрович. Раньше он всегда здоровался, иногда угощал семечками. Сегодня он сидел на скамейке у подъезда, курил, и когда мы вышли, его взгляд метнулся в сторону и замер. Он отвел глаза.

— Не ходите туда, барышня, — буркнул он себе под нос, хотя я шла прямо к нему.

— Куда «туда»? — спросила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Там уже ваши «подруги» дежурят. Ждут скандала. Не стоит.

У гаражей сидели две женщины, обе смотрели на подъезд. Юна потянула меня за рукав. Я повернула назад, не заставляя её идти мимо них. Лучше вернёмся домой. К Морозову можно позвонить, необязательно сейчас вести испуганную дочь через порт и объяснять каждому, куда мы идём.

У окна Юна подтянула колени к груди. Я осталась возле неё: может, хотя бы на улице увидит что-нибудь хорошее. Дочь вдруг выпрямилась и ткнула пальцем в стекло.

— Мама, у машины тот дядя. Я отодвинула занавеску. Морозов стоял у внедорожника, время от времени смотрел на въезд во двор. При нём Святослав на совещаниях замолкал; я сама слушала Леонтия внимательно, даже если не собиралась. Сейчас он просто ждал внизу. Я стала меньше прислушиваться к двери. Только всё ещё искала, чем придётся расплачиваться за такую помощь. Юна отпустила мою кофту и опять посмотрела в окно. Может, хотя бы сегодня вечером не будет бояться каждого звонка.

Я прикрыла шторы, оставив себе щель у края. Юне хватит его видеть, не надо весь вечер считать этого человека единственным спасением. Рядом с дочерью стояла я. Телефон завибрировал: «Если они придут сегодня вечером — не открывай дверь. Я буду ждать сигнала. Л.М.». Перечитала, глядя на двор. Он оставался возле машины.

Я сохраняла сообщение и вдруг поняла, что не проверяла входную дверь уже несколько минут. Обычно всё время подходила, смотрела, не оставил ли кто-нибудь записку, не слышно ли шагов. Теперь стояла возле Юны у окна. Прямо сейчас никуда больше идти не требовалось.

Глава 5

Морозов положил бухту верёвки у моих ног и смотрел на руки. Я стояла перед ним на причале, пряча пальцы в перчатках. Ветер подбирался под ветровку, но снять её не хотелось: под ней была старая рубашка, а устраиваться на работу следовало бы в приличной. Вчера приличная осталась в клубном шкафчике. Сегодня придётся обходиться этой.

— Если ты не можешь завязать узел одной рукой с закрытыми глазами, ты мне не нужна, Ланская, — произнес он тихо. Голос у него был низкий, бархатный, но в этом бархате пряталась сталь. — Твои чувства мне безразличны. Мне нужны руки, которые держат штурвал, когда море пытается тебя убить.

Сняла перчатки и взяла верёвку. Закрыла глаза, как он требовал. Восьмёрка. Развязать. Булинь. Первые движения дались туго, затем пальцы вспомнили, где держать петлю. Это он у меня не заберёт, подумала я про Святослава. Когда открыла глаза, Морозов уже придвинул вторую бухту. Значит, первую принял.

К полудню у ворот остановились дорогие машины. Приехали дети местных бизнесменов и юристов — некоторых родителей я знала по клубу. Кроссовки у ребят ещё были белые. Рыжий, лет семнадцати, оглядел мою ветровку и обернулся к приятелям: сейчас будет шутить. Я отлично знала это движение головы. У Святослава оно выглядело так же.

— Бабушка, а где твой парус? Или ты будешь учить нас вязать носки? — его друзья захихикали. Слово «бабушка» повисло в воздухе, тяжелое и липкое.

Я направилась к «Грозе». Учебный моторный парусник выглядел потрёпанным рядом с их яхтами; смеяться над ним было проще простого. Над водой стоял штиль. Рыжий шёл следом, всё ещё оглядываясь на друзей. Хотел продолжения. Пусть сначала доберётся до лебёдки.

— Поднимайте грот, — приказала я.

Рыжий лениво потянулся к лебедке. Фал зацепился за выступ на мачте. Парус повис мешком, мокрый и тяжелый. Кадеты переглянулись, кто-то достал телефон, снимая это зрелище для сторис.

— Не тянешь? — спросила я ровно.

— Застряло! — крикнул рыжий. — Ветра нет, оно само не встанет!

Я сняла фал с выступа на мачте и показала рыжему, где он зацепился. Потом стала выбирать слабинку. Тяжёлый мокрый грот полз вверх, плечи быстро заныли. Не надо было так часто оставлять эту работу стажёрам. Уперевшись ногами в настил, я потянула ещё. Три метра. Четыре. Телефон за спиной перестал щёлкать. На пяти метрах подошёл слабый порыв; парус наполнился. Я протянула рыжему конец: закрепляй. Отойти от пирса мы ещё не успели.

Я отпустила канат, выпрямилась и посмотрела им в глаза. Никто не смеялся. Рыжий сунул телефон в карман и подхватил свободный конец фала. Теперь мне не пришлось просить.

У дальнего мола появилась «Святой Николай». Я когда-то сама выбрала яхте имя; сейчас даже читать его на борту не хотелось. Святослав сидел рядом с блондинкой в белом платье. Она показывала на нас пальцем. Я проверила, что кадеты закрепили фал, и только после этого позволила себе посмотреть в их сторону. Должно быть, он ждал, что я брошу занятие и подойду выяснять отношения.

Блондинка крикнула через воду, голос звенел от презрения: — Вы всё ещё цепляетесь за хвост, дорогая? Свят сказал, что вы здесь просто нищенствуете.

Святослав наконец повернулся. Его лицо было маской сострадания, рассчитанной на публику вокруг. — Кира, не устраивай цирк. Дети смотрят.

Я повернулась к кадетам. Блондинка ещё что-то выкрикнула с яхты, но рыжий смотрел уже на меня. Я указала на швартов. — Отдать концы! Курс на ветер. Он схватился за канат без новой шутки. Вот теперь можно было уходить.

Мы отошли. У Святослава остались свои гости, у меня — кадеты, которые ждали команд. Он стоял у фальшборта и смотрел нам вслед. Я отвернулась первой, но на этот раз не потому, что стыдно. Нужно было вести парусник, а не давать ему очередной повод рассказать всем, какая я истеричка.

За пределами гавани я перестала думать о Святославе. Ветер был слабый, зато мотор пока работал. Кадеты начали переговариваться свободнее. Я держала их в поле зрения, не мешая им радоваться выходу.

Через двадцать минут двигатель «Грозы» заглох. Я оглянулась на воду у кормы: струя исчезла. До скал за мысом было ещё расстояние, но дрейф шёл именно туда. Попробовать запуск. Не получится — работать под парусом, пока не подойдёт помощь. Это я успела подумать до первых криков.

— Мама! — вскрикнула одна из девушек-кадетов, бледнея. Рыжий тоже потерял цвет лица. Паника распространяется быстрее огня. — Двигатель! Запускай двигатель! — орал кто-то.

К скалам нас относил быстро. Я посмотрела на рыжего, на девушку у борта. Сейчас им нужны команды, а не объяснение, что мотор старый и никто не виноват. Вцепилась в поручень и подняла голос, стараясь перекрыть остальных.

— Заткнуться! — мой голос прозвучал резко, отрезая панику. — Все на корму. Левый борт к скалам, правый к открытому морю. Нам нужно поймать боковой ветер. — Мы тонем? — прошептал рыжий. — Мы живы, если будешь слушать команды. Бери штурвал. Не крути, держи угол сорок градусов к ветру. Я выберу грот. Он поможет набрать ход.

Я вышла к грота-шкоту, выбрала его, следя за порывом. Парус набрал ветер; рыжий удерживал угол, как я велела. Нос постепенно отвернул от скал. От толчков ботинки скользили по настилу, пришлось шире поставить ноги. Но ход был. Я крикнула рыжему держать так и не поддаваться, когда колонку снова качнёт.

По рации Морозов спросил, нужна ли буксировка. Я сообщила курс и расстояние до скал. Когда парусник набрал ход к базе, он ответил: «Вижу. Иду рядом». Его катер оставался с морской стороны.

Уже на причале я поняла, как сильно замёрзла. Пока кадеты выходили, пальцы всё ещё пытались сжаться на шкоте. Морозов дождался, когда последний отойдёт. — Манёвр был слишком резким, Ланская. Можно было сломать мачту. Ты уверена, что другого выхода не было? Он произнёс это без крика, и оттого возразить было труднее. Я посмотрела на «Грозу»: да, уверена.

Я разжала пальцы и спрятала ладони в рукава. Он видел наш манёвр с другого борта. Пусть скажет, где именно я ошиблась.

Я подняла голову. Глаза горели, но голос оставался ровным. — Я держала курс, капитан. Вы хотели, чтобы я держала курс в шторм? Я держала. Ваши методы управления людьми оставляют желать лучшего, если вместо разбора манёвра вы оцениваете мой характер. Выход от скал был один. Я выбрала его. Готова разобрать манёвр по журналу, а не по тому, как я выглядела у штурвала.

Морозов помолчал и посмотрел на мой мокрый рукав. Я не стала убирать его за спину. Разбор он получит хоть по секундам, но стыдиться того, что вышла от скал с детьми, я не собиралась. — Старший шкипер учебной флотилии. Месяц испытательного срока. Семейные разговоры оставляешь за воротами базы. Здесь ты инструктор. Поняла?

— Поняла, — сказала я.

В кабинете он положил передо мной контракт. Я читала дважды: должность, зарплата, испытательный срок. Морозов не подгонял. Ручку пришлось взять покрепче, чтобы подпись не поплыла. Первый документ за последние дни, в котором от меня не требовали уйти, вернуть ключи или заткнуться.

Когда я протянула ему папку с подписанным документом, Морозов не взял её сразу. Он положил руки на стол, сцепив пальцы. — Почему три кольца в сумке мужа? — спросил он вдруг.

Он спросил про кольца, а я сперва посмотрела на закрытую дверь. Юна видела, что я их подобрала. Может, сказала кому-то? Кому ещё знать об этом, кроме нас? Я не хотела разбирать свой брак в кабинете нового начальника. — Это личное.

— В моей службе личное становится служебным, если оно связано с объектом расследования, — ответил он. Его взгляд стал острым, хищным. — Ты знала, что он был там раньше, Кира? В Новороссийске? В Сочи?

Он назвал два города. Я вспомнила звонок из рейса: Слава тогда тоже упоминал Новороссийск. Теперь не знала, что из его рассказов можно повторять как правду. — Я не понимаю, о чём вы, — сказала я и сразу поняла, что он мне не поверит.

Морозов встал. Он был выше меня на голову, тень от него накрыла мою руку. — Ты понимаешь. Если эти поездки связаны с делом клуба, мне нужны даты. Остальное решать тебе, Кира. Я ищу скипера, а не осведомителя за зарплату.

Я вышла из штаба, чувствуя холодок между лопатками. Ветер стих, но внутри бушевал шторм. Зачем ему эти поездки? Я прокручивала его вопросы и всё искала, где предложение работы закончилось и начался допрос. На улице снова проверила, лежит ли мой экземпляр контракта в сумке.

И тогда, проходя мимо школьной остановки, я увидела Юну. Дочь стояла у ограды с рюкзаком на одном плече. Я зашла в раздевалку базы за запасной формой и теперь ловила её взгляд: узнает ли меня в непривычном белом кителе?

Она подошла ближе, тихо, почти шепотом: — Мама, а папа теперь будет бояться тебя?

Вопрос ребенка, который хочет справедливости, но боится, что мама станет монстром. Я присела на корточки, запах соли смешался с запахом детского мыла. Я взяла ее лицо в свои мозолистые руки. — Нет, Юна, — сказала я мягко, но твердо. — Папа будет бояться только того, что я больше не буду ждать его дома. И это правильно.

Юна кивнула и взяла меня за руку. Её большой палец прошёлся по мозоли на моей ладони; раньше она просила заклеивать её пластырем. Сейчас только спросила, больно ли. Я сказала, что уже нет.

Я встала, поправила форму. Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от неизвестного номера. Фотография: Гоша, пятилетний «племянник», играет на песчаном пляже в Сочи. Подпись под снимком: «Прошлым летом». Сегодня Гоша был здесь, в порту; на этом пляже он бывал раньше.

Морозов позволил мне уйти, не задав главного вопроса. Кто этот Гоша на самом деле? Зачем Святослав привез его сюда, назвав племянником? Ответ таился в этих снимках, в этой новой информации, которую кто-то сливал мне, или Морозову. Игра началась. И правила были жестоки.

Глава 6

На причале ржавчина пачкала поручни. Я провела пальцем по одному и вытерла его о ветошь: за эти поручни скоро возьмутся дети. Ветер, колючий и солёный, бил в лицо, но я даже не морщилась. Передо мной выстроились шесть катеров береговой охраны — серые, облезлые, с боками, покрытыми коркой соли и плесени. На ближайшем катере облупилась надпись. Я пообещала себе восстановить её до начала сезона — после мотора.

— Ну что, Ланская? — хриплый голос механика Григорича разрезал шум прибоя. Он сплюнул семечку прямо у моих туфель. — Готовишь аттракцион для детворы? Моторы эти ни хрена не тянут. А бабам тут делать нечего. Только воду мутить да носы задирать.

Григорич ждал ответа. Я тоже когда-то отвечала на такое, доказывала, что умею заводить мотор. Святослав выслушивал, потом говорил: ну-ну, попробуй. Сегодня я просто сняла куртку и положила на борт. Поговорим после запуска.

В машинном отделении пахло бензином и старой резиной. Стажёр выключил зажигание, а я полезла к проводам. На одной клемме контакт разболтался; стоило пошевелить, провод отошёл. Зачистила, затянула, проверила соседний. Григорич сопел за спиной и косился на часы. Ему хотелось, чтобы я возилась дольше. Мне — чтобы эта компания наконец вышла на исправном катере.

Соседние соединения держались. Я попросила ключ и ещё раз подтянула клемму, прежде чем вылезти. Стажёр смотрел, как я вытираю смазку с пальцев. Потом перевёл взгляд на механика. Разрешения на запуск всё ещё ждал от него, а не от меня.

— Заводи, — коротко приказала я водителю-стажёру, который сидел в кабине и бледнел от страха.

Ключ повернулся. Двигатель чихнул, закашлял, но потом взревел ровно и мощно, поднимая из воды белую пену. Григорич замолчал. Его глаза расширились, он забыл закрыть рот. Я вытерла руки о штаны, оставив темные полосы, и посмотрела ему прямо в лицо.

— Теперь тянет, Григорич? Проверим следующий. До выхода, а не у скал.

Он ничего не ответил, только отвернулся, пряча лицо в воротнике комбинезона. Но я видела, как дрожат его плечи. Это была первая победа. Маленькая, техническая, но моя.

У катеров собралась младшая смена, пятнадцатилетние и шестнадцатилетние ребята. Старшие вчерашние кадеты сегодня занимались у другого инструктора. Эти пришли с телефонами и сразу устроились на поручнях, которые я собиралась чистить. Рыжий с цепочкой толкнул приятеля в лужу. Смеялись все, кроме того, кто упал.

Мокрый парень поднялся, отряхивая колени. Рыжий всё ещё смеялся и теперь обернулся ко мне.

— Тетенька! — крикнул рыжий. — Ты точно не потерялась? Тут тебе не кружок вязания. Мы тут плавать хотим, а не слушать лекции про ветер!

Бутылка ударилась о борт возле моей куртки. Я посмотрела, кто её бросил. Рыжий перестал улыбаться — видимо, ожидал, что стану искать виновного по всей группе. Щёки у меня горели. Одно утешение: он этого не видел, потому что смотрел на бутылку у моих ног.

Но я осталась. Я медленно подошла к рыжему. Он осекся, увидев мой взгляд. В моих глазах не было слез, только холодное, расчетливое спокойствие. Я молча протянула руку.

— Ключи.

— Чего? — он попытался съехидничать, но голос дрогнул.

— Ключи от твоего мотороллера, которые ты показывал всем на берегу. Давай сюда. Сейчас же.

Он сперва полез в один карман, затем в другой. Нашёл ключи и зажал в кулаке. Я держала ладонь раскрытой. Пока он решал, отдавать ли, остальные перестали переговариваться.

Хотел бы меня сейчас послать, но сделать это при всех уже не хватало духу. Он разжал кулак и положил ключи мне в ладонь.

Я подняла куртку с борта и сунула ключи в карман.

— Ключи получишь после занятия. А бутылку сейчас поднимешь и отнесёшь в урну, — сказала я так тихо, что слышно было каждому. — Садитесь по местам. Или плывите назад пешком. Выбор за вами.

Рыжий посмотрел на карман моей куртки и полез на катер первым. Остальные перестали спорить, стали рассаживаться. Хорошо, можно начинать. Ключи я отдам после занятия, если он не полезет делать очередную глупость. Сегодня мне нужно, чтобы они научились хотя бы слушать команды.

И тут свет вспыхнул так ярко, что я зажмурилась.

Луч ударил в глаза с воды. Я зажмурилась; за белым пятном ничего не было видно. На катере стоял Морозов, а свет всё ещё шёл прямо на нас. Что он проверяет? Оборудование или меня? Детям стало не до смеха, и отвечать ему маханием рук было бесполезно. Я достала рацию.

Я нащупала кнопку рации, всё ещё не глядя на луч. Будет отвечать — скажу, что дети уже готовы к отходу и проверять их глаза не требуется. Но сначала повернула группу к створным огням. Не должно остаться у них в памяти, что в море надо идти на любой яркий свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.